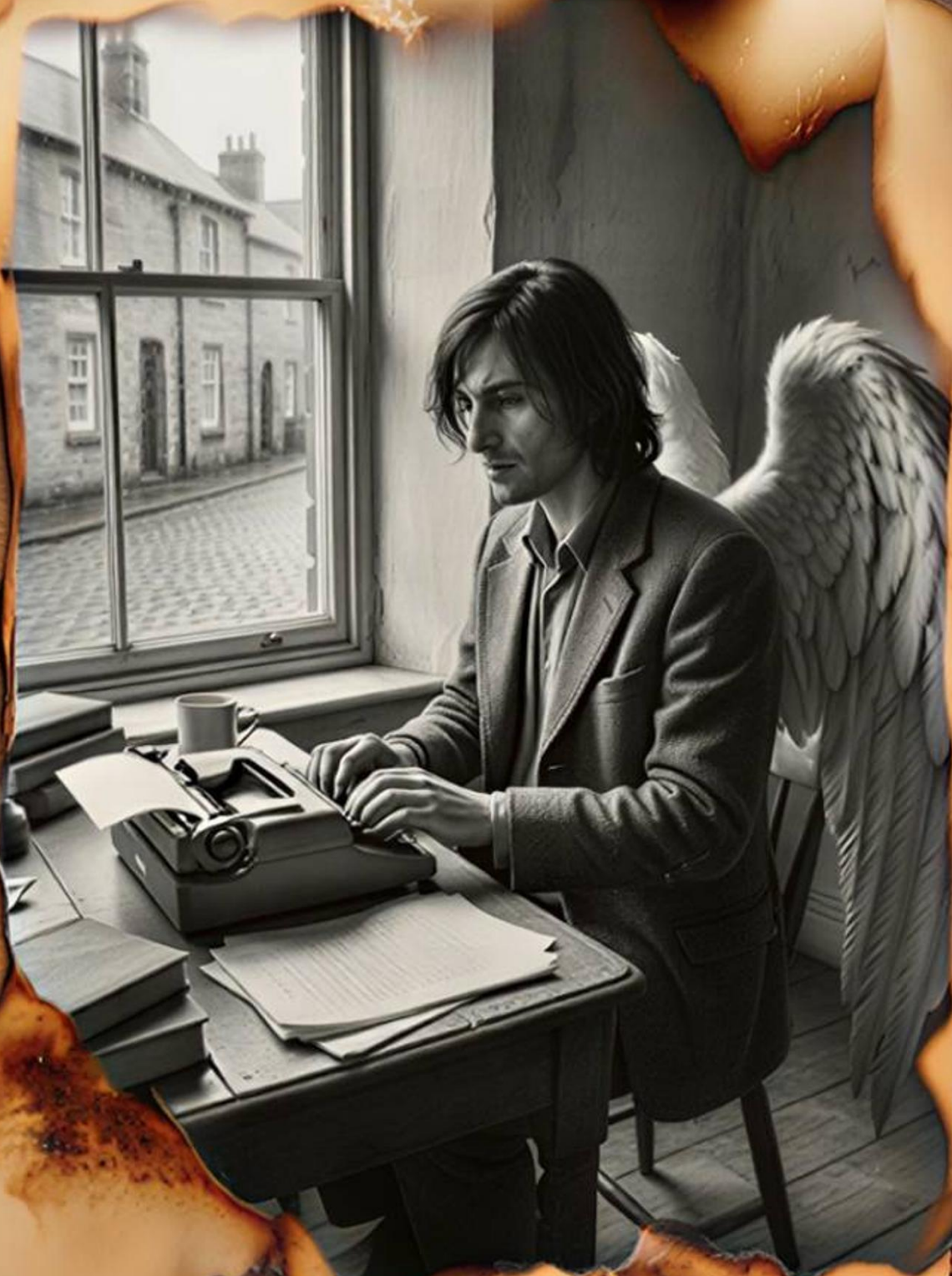

Полина Осипова

Ангел-Хранитель с серыми пальцами
и его тайная жизнь

Полина Осипова

**Ангел-хранитель с серыми
пальцами и его тайная жизнь**

«Автор»

2023

Осипова П.

Ангел-хранитель с серыми пальцами и его тайная жизнь /
П. Осипова — «Автор», 2023

Эта история случилась много лет назад в небольшом приморском городке. На первый взгляд там живут совершенно обычные люди. Но, если приглядеться, в каждом человеке можно рассмотреть что-то особенное. Для одного мальчика, болеющего лейкемией, особенными людьми были не только любящие родители, но и крёстный, который стал для него ангелом-хранителем. Но почему у него были серые пальцы, не оставляющие отпечатков? Может, он скрывал какую-то тайну? Это история о невероятной дружбе, всепобеждающей любви, вдохновении, жертвенности и тяжёлых испытаниях, которые сподвигли героев рассказа раскрыть свои таланты и стать настоящими ангелами-хранителями друг для друга...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Полина Осипова

Ангел-хранитель с серыми пальцами и его тайная жизнь

Пролог

Дождь танцевал по лужам. Сидеть на подоконнике хорошо, можно увидеть всё, что происходит там, за окном. Где-то вдаль, на мостовой, проезжали машины, но их гул заглушала мелодия дождя – такая переливчатая, красивая. В ней, как по волшебству, ветер играл, словно на скрипке или виолончели.

– Кап, кап, кап, – здоровались дождевые капли.

– Привет, привет, – отвечал им детский голос.

Мальчик сидел на подоконнике и провожал взглядом отдаляющуюся фигуру. Фигура эта, надо сказать, была приличных размеров: высокая и в меру широкая. Но мальчику хорошо было известно, что широкой её делало пальто, которое теперь стало на два размера больше своего обладателя. Тяжёлый вздох раздался в детской в тот момент, когда мужская фигура скрылась за углом невысокого здания, такого же двухэтажного, как их дом – ведь в приморском городке почти все строения были на один лад.

Крис – так звали мальчика – поменял позу на более удобную, но с подоконника не слез. Он посмотрел на свою руку. Буквально десять минут назад она лежала в ладони дяди Джейкоба. Раньше мальчика удивляло, что пальцы крёстного всегда были испачканы серой краской, которая не оставляла следов на коже во время прикосновения. Поначалу он не придавал этому значения. Но со временем начал догадываться о причине серых пальцев крёстного. Последние года два дядя Джейкоб всегда вытирал их платком перед тем, как заходил в дом. Хотя полностью краска всё равно с них не сходила. От внимательных глаз мальчика сложно спрятать такую явную улику. Юный детектив улыбнулся, ведь в отличие от взрослых, он уже давно раскрыл тайну дяди Джейкоба. Тайну, которая спасла ему жизнь.

Крис спрыгнул с подоконника, подошёл к столу, достал из выдвижного ящика местами потрёпанный блокнот, открыл чистую страницу и начал писать:

«Каким бывает ангел-хранитель? Быть может, вы считаете, что у него есть белые крылья? Я тоже так думал, пока не повстречал его. Мой ангел-хранитель имеет одну отличительную черту – серые пальцы, и ставлю серебряный доллар против вашего цента, вы ни за что не догадаетесь, почему».

Улыбка доброй женщины

Эта история случилась много лет назад в одном маленьком приморском городке. Там вы найдёте множество прекрасных людей, одним из которых был Джейкоб Мальковский. О нём и пойдёт речь.

Обладатель этого имени только что завернул за угол вышеупомянутого дома, встал под козырёк небольшого продовольственного магазина, стряхнул с чёрного зонта дождевые капли и закрыл его. На этот раз успешно, потому что иногда с поломанной механикой приходилось повозиться. Улыбнувшись прекрасному стечению обстоятельств – ведь не слишком приятно в такую погоду разбираться с непослушным зонтом, – мистер Мальковский усердно потопал ногами и вытер их о коврик. Затем он вошёл в магазин, остановился у порога, обвёл глазами небольшую комнату с прилавками и, никого не увидев, громко произнёс:

– Добрый день, миссис Томпсон! – когда из коморки вышла приличных размеров женщина, Джейкоб заулыбался и продолжил свою речь. – Ох, какая вы сегодня обворожительная.

Вам, безусловно, идёт голубой, прямо к глазам. У вас повод какой, или вы так, покупателей порадовать?

Чуть полноватая, но ровно настолько, чтобы это её красило, хозяйка магазина улыбнулась услышанному комплименту.

– Ох уж эта ваша галантность, мистер Мальковский. Муженьку моему у вас бы поучиться, а то сегодня годовщина, а он ушёл куда-то ни свет ни заря, а мне тут прикажешь полы натирать. Небось и в этом году забыл о нашей дате.

– Вы меня уж не выдавайте, ладно? – по-заговорщицки заговорил Джейкоб, – я тут вчера застал Патрика возле ювелирного и цветочного.

Последние слова явно понравились продавщице – об этом говорили её покрасневшие щёки и довольная улыбка.

– А ещё, – подмигнул Мальковский, – до меня доходили слухи, что он готовит для вас какой-то особенный подарок.

Надо было видеть реакцию миссис Томпсон в этот момент. По выражению её лица можно было прочесть разные чувства, но всё же радость и восторг затмили промелькнувший в глазах стыд.

– Ой, ну надо же. А я тут на мужа наговариваю, – продавщица отряхнула крошки с платья, неважно видимыми они были или нет. – Он у меня вообще очень хороший, просто это я уж так, сгоряча.

– Да ну что вы, я понимаю, годовщина раз в год бывает, – успокаивал её Мальковский. – Моя Розочка, случись мне забыть о какой-нибудь дате, словами одними не обходилась. В ход обязательно шли стакан или тарелка, – усмехнулся Мальковский, стоя у входа и не решаясь пройти по чистому полу. – Может, я отсюда покупку сделаю? А то ведь дождь на улице, запачкаю. Не хочется, чтоб вы в таком наряде сегодня со шваброй танцевали. Хотя уверен, у вас бы это превосходно получилось.

Пухленькие щёчки миссис Томпсон окрасились лёгким румянцем, причиной появления которого был ещё один комплимент.

– Ох, ну, что вы, мистер Мальковский, неужели я заставлю вас стоять в дверях, заходите.

Мужчина неуверенно принял приглашение хозяйки и прошёл по молочному кафелю. К радости продавщицы на нём остались не слишком заметные следы.

– Миссис Томпсон, я сегодня заплатил за свет, воду и что-то там ещё по квартире, и не могу скупить у вас все ваши вкусные продукты, которые так и манят своим видом, – парировал покупатель.

Женщина заулыбалась ещё больше, услышав добрые слова уже в адрес магазина, который она явно очень любила.

– Можете, пожалуйста, отрезать мне сто грамм сыра, положить две сосиски и – ну, уж ладно, гулять так гулять, – заулыбался широкой улыбкой Джейкоб, – отсыпать полкилограмма сахара.

– Конечно, мистер Мальковский, – проговорила миссис Томпсон и поспешила отвернуться, чтобы мужчина не увидел её опечаленного лица. За последние годы, перебываясь с корки на корку, её любимый самый вежливый покупатель не шиковал в магазине, а лишь отшучивался всякий раз, когда дело доходило до крупных покупок.

– Ну, давайте я вам ещё картошечки положу, нажарите её вкусно с сосисками, – предложила миссис Томпсон.

– Ой, да ну, что вы, мне на диету пора, а то раздобрел совсем на ватрушках и булочках миссис Бэрлингем, – рассмеялся Джейкоб, надул живот и театрально его погладил.

Женщина ничего не ответила и лишь глубоко вздохнула, насыпая в маленький пакетик сахар. Она-то, будучи подругой вышеупомянутой владелицы пекарни, хорошо знала, что мистер Мальковский всегда брал только самый дешёвый вчерашний хлеб со скидкой, а когда

не мог позволить себе и его, просил половинку, а иногда, но всё же бывало, и в долг. Когда заказ был собран, продавщица посчитала на больших настольных счётах окончательную сумму и озвучила её.

Мужчина прикусил губу, выгреб из кармана мелочь, посчитал и, улыбаясь, произнёс:

– Миссис Томпсон, а, впрочем, сахара не надо. Мне вообще в моём возрасте стоит от него отказаться. А то мало ли, мне тут доктор сахарным диабетом грозил, да ещё и зубы посыпятся.

– Мистер Мальковский, уж возьмите, – сказала хозяйка, протягивая пакетик, – и не надо ничего заносить, не больно уж там много.

Мальковский переступил с ноги на ногу, вспомнил про долг в пекарне миссис Бэрлингем.

– Да, ну, что вы, – сказал он, добродушно глядя на продавщицу, – а кто со мной рассуждал про здоровый образ жизни? Сами от сладкого хотите отказаться, а меня что не отговорите? Вдруг, действительно сахарный диабет будет, потом лечись не лечись – всё впустую.

С этими словами высокий мужчина взял лишь маленький пакетик с небольшим кусочком сыра и завёрнутыми в коричневую бумагу сосисками, положил в руку продавщицы нужную сумму и благодарно улыбнулся.

– Всего вам хорошего, миссис Томпсон! Не забудьте потом рассказать, как пройдёт праздник, – добавил он и направился к выходу.

А миссис Томпсон только покачала головой и пересыпала сахар обратно в банку. Из окна заструились тонкие лучи солнечного света, которые ознаменовали окончание проливного дождя. Они заиграли на банке с сахарным песком, а затем и на улыбке доброй женщины, которая часто думала о том, какие тайны хранит печальный взгляд Джейкоба Мальковского.

Предвкушая самое интересное

Ветер приятно дул в лицо. Небритая щетина щекотала кожу. Джейкоб почесал щёку тыльной стороной ладони и бросил взгляд на пакет, который держал в руках. «Весьма приятная покупка», – думал он. Мальковский был самым простым работягой приморского городка. Но как вы, должно быть, догадались, работягой не самым преуспевающим. Да и разве можно было преуспеть в простой типографии, особенно в самый разгар весны? Если вы поинтересуетесь: «Пользовалась ли она спросом?», – то, глядя на не в меру худощавого владельца, поймёте, что это риторический вопрос. Лучше спросить, как шла торговля в рыбном магазине мистера О’Брайана, который находился через два дома от типографии. Рыбка там была отменная, а запах разносился по всей округе. Вот она-то и пользовалась спросом. Да и разве захочется кому-то проводить весенние дни за чтением книг? Лучше купить парочку жирных форелей, приготовить их на ужин, уютно устроиться на веранде и поговорить о том о сём со старым добрым другом, чем провести весенний вечер в одиночку с книгой в руках.

Так, к великому сожалению Джейкоба, думали жители маленького городка, и последними, что два месяца назад заказывали в его типографии, были две тонкие брошюры. Да и то, всего лишь кулинарные рецепты рыбных блюд. Поэтому всё, что мог себе позволить на обед мистер Мальковский, была вовсе не рыба – как вы могли подумать. Его нехитрая порция умещалась на маленькой ладошке ребёнка. Такой размер трапезы был равен половине рациона обычной горожанки.

Но Джейкоб нисколько не унывал по этому поводу, ведь сегодня у него в руках была весьма ценная покупка, а значит – и сытный обед. Вернувшись домой, хозяин небольшой квартиры снял намокшее пальто, повесил его на вешалку, стянул с себя ботинки – прохуdivшаяся в нескольких местах подошва изрядно пропускала влагу – и прошёл на кухню. Он ополоснул руки, вытер их чистым, но от времени пожелтевшим полотенцем и открыл холодильник, причмокивая и смакуя приятную трапезу. Взял с полки жестяную банку и высыпал её содержимое на белую тарелку с голубой, местами поцарапанной каёмкой. Теперь, как бы насмехаясь над Джейкобом, на ней вальяжно перекатывались с места на место три чёрненькие толстенькие маслинки, которые залежались в банке, чья крышка поржавела от влаги. Мистер Мальковский

не любил этот деликатес, поэтому долго откладывал его на чёрный день. И вот, такой день настал. Накануне он заплатил за жильё, сегодня зашёл в магазин, так что последние сбережения, отложенные ещё с лучших времён работы типографии, закончились. Но не стоит расстраиваться, главное, что сейчас у него есть ещё кусочек сыра, который можно растянуть на несколько дней. Мальковский достал его из пакета, положил на тарелку, отрезал пару ломтиков, а оставшуюся часть убрал в холодильник. Наконец, очередь дошла до ароматных сосисок, запах которых доносился даже из бумажной обёртки. Джейкоб с наслаждением развернул её, глубоко вздохнул, а затем так ласково, будто увидел перед собой лицо миссис Томпсон, улыбнулся – перед ним лежали не две сосиски, как он заказывал, а четыре. Мальковский хорошо понимал, что доброй женщиной руководила не жалость, а чисто человеческое сочувствие и желание помочь, поэтому он с благодарностью принял от продавщицы знак доброй воли, две сосиски выложил на тарелку, а две убрал в холодильник вслед за сыром – завтра его тоже ждёт вкусный обед. Затем Мальковский пошарил рукой в хлебнице и, зная, что у него осталась там записка, довольно улыбнулся. Ведь сегодня к обеду помимо трёх шариков-маслинок, деловито перекатывающихся по тарелке, мистер Мальковский добавил два кусочка хлеба – чёрного, как вы уже могли догадаться. Бедные, они скромно устроились рядом с маслинками, а несколько ломтиков сыра гордо на них возлежали, тщетно стараясь покрыть всю поверхность так, чтобы хоть немного порадовать одинокие кусочки. А благодаря щедрости миссис Томпсон, возглавляли всю трапезу две его самые любимые особы: толстенькие – хотя, может, это он так их представлял – розовые сосиски. Одну с наслаждением он съел сам, а вторую, разделив на две части, положил в пакет.

Какой же чудесный обед! Но такие лакомства мистер Мальковский, к сожалению, покупать себе уже не сможет. Последние деньги он заплатил отложил, чтобы вернуть долг владельцу пекарни, поэтому сахар купить ему уже не на что. Жаль, ведь сладкий чай так радовал одинокими вечерами.

– Кстати, – стукнул себя по лбу Джейкоб, словно обращаясь к какому-то невидимому другу, – я тут прочёл на днях преинтересную статейку. В ней говорилось, что сахар портит вкус чая. Значит, наконец-то я смогу попробовать настоящий его вкус.

Довольно ухмыляясь, Джейкоб закончил свою приятную трапезу, вытер рукой, за неимением салфетки, рот, выкинул кожуру и косточки от маслинок в мусорный пакет и взял его с собой, чтобы отнести в контейнер, стоящий на улице. Уже надевая пальто, он вдруг о чём-то вспомнил, вернулся на кухню и взял предварительно положенную в пакет сосиску. Теперь со спокойной душой мистер Мальковский вышел из дома, спустился на крыльцо, по обыкновению кивнул и улыбнулся соседкам со второго этажа, которые, как бывало в это время дня, пили чай, уютно устроившись на балконе.

Миловидная вдова, провожавшая его более нежным, чем у собеседницы взглядом, со вздохом поправила свою причёску, откусила кусочек шоколадного печенья, сделала глоток и задумчиво произнесла:

– Ах, Люсия, вот ты всё бубнишь, что у него денег нет, счёт в ресторане не оплатит, – она на секунду замолчала, – да, я и сама знаю, что это так. Что уж говорить.

Женщина, надо сказать, весьма привлекательной наружности, но более внушительной, чем у мистера Мальковского комплекции, печально вздохнула. Собеседница, же, казалось, будучи знакомой с симпатией подруги, только молча улыбалась. Затем миссис МакКонвил вновь перевела взгляд в сторону завернувшего за угол мужчины:

– А вот возьму я его в Вегас, куплю ему фишки, – подмигнула она то ли подруге, то ли скрывшемуся из виду Мальковскому. – Вдруг он выиграет такой куш, что уж и не стыдно на людях будет вместе показываться? Вернёмся в открытом Феррари, – миссис МакКонвил мечтательно закатила глаза и замолчала.

Она уже давно положила глаз на высокого еврея, который был весьма недурён собой. Но несколько нескрываемая бедность неудачливого бизнесмена отпугивала даже самых пылких воздыхательниц. Коих, впрочем, было не слишком много.

– Ну что же я могу поделать? – жаловалась она каждый день подруге и, печально вздыхая, провожала влюблённым взглядом шедшего на работу Джейкоба. – Как я заведу отношения с таким бедняком? Это же сплошное чудачество!

После этих слов статная женщина с густыми каштановыми волосами всякий раз гордо отбрасывала назад волнистый локон волос, сопровождая это действие глубоким вздохом.

– Чудачество, да и только, – раздосадовано повторяла она.

Разумеется, это было бы чудачеством. А миссис МакКонвил никогда чудачкой не была. При всей своей любви к ярким экстравагантным нарядам она – особа предусмотрительная, в каких-то моментах даже слишком предусмотрительная. Прекрасная вдова ещё со времён замужества составляла обеденное меню на неделю и ни разу за шестнадцать лет от него не отошла. Даже ни один самый простой ингредиент не был изменён. Поэтому хвалёная предусмотрительность не позволяла миссис МакКонвил решиться на признание.

А Джейкобу это было на руку. Казалось, его не интересовало ничего, кроме типографии, где он проводил целый день и позволял себе отлучиться лишь для того, чтобы пообедать или навестить крестника. Но, несмотря на каждодневный труд, его дело никак не приносило доход. Все советы родственников закрыть типографию альтруист отметал с яростью, давая волю своему безграничному, а порой даже чересчур фанатичному чувству любви. Ведь типография служила ему верой и правдой целых десять лет. И пусть она не приносила прибыли, не кормила Джейкоба, зато духовную пищу давала сполна.

Поэтому казалось, что Мальковский был привязан к своей типографии больше, чем к женщинам. Она, по крайней мере, не скандалила и не била посуду, которой в доме и без того было мало. Особенно мало её стало после ухода бывшей жены, которая любила в порыве гнева замахать какой-нибудь кружкой на бедного Джейкоба, никак не реагирующего на подобные спектакли. Так Розочка и ушла от него, когда поняла, что посуду бить бесполезно, да и уже почти ничего не осталось. А бить своего высокого мужа было вовсе бессмысленно и неразумно.

– Ну, вот что ты за гигантище? – часто ворчала она. – Сам еврей, а ростом с викинга. Да и нравом совсем не еврейским выдался, вон какой неудачник, концы с концами свести не можешь. Если все были бы такими, как ты, одной манной небесной и питались бы.

Да, Мальковский внешне был весьма нетипичным евреем: рост метр восемьдесят пять, волосы светлые, глаза голубые. К тому же Джейкоб пошёл против своей природы не только внешне, но и внутренне. С самого детства он проявлял щедрость по отношению к окружающим: идёт со школы с бутербродом в руках – проголодался после пяти уроков – и видит бездомного в ободранных штанах и с протянутой рукой. Недолго думая, маленький Джейкоб протягивал ему свой хлеб с колбасой, улыбкой отвечал на благодарность и шёл дальше. А если дело касалось контрольных, то его тетрадь по литературе сразу отправлялась кочевать по всему классу – не дай бог кто-то из-за плохой оценки тумачков дома получит. Он был настолько непредприимчивым ребёнком, что обескураживал обеспокоенных родителей. Но благородная чета Мальковских верила, что с годами семейная кровь в жилах единственного сына забурлит по-настоящему.

В это верила и молоденькая Роза Хельцберг. Будучи весьма расточительной особой, она быстро положила глаз на привлекательного и в первые годы существования типографии ещё преуспевающего бизнесмена. Но когда через пять лет дела Джейкоба резко пошли на «нет», женщина поняла, что с мужем-неудачником коротать свою молодость бессмысленно. Будучи статной, видной еврейкой, она считала ниже своего достоинства жить на совсем незначительные доходы мужа, умещавшиеся в ладони одной руки – маленькой ладони еврейского ребёнка,

который у них так и не родился. Мальковский не стал возражать и после развода почувствовал весомое облегчение и существенное сокращение расходов.

Но, несмотря на этот значительный плюс, доходы его не прибавились. Так он прослыл среди родственников белой вороной, потому что дед, отец, все дяди и двоюродные братья Джейкоба, обладавшие деловой жилкой и железной хваткой, уже давно преуспели в бизнесе.

А вот Мальковский был не у дел. Цены в своей типографии он устанавливал совсем не рыночные, а почти как по себестоимости, делая лишь небольшую наценку на материалы. В первые годы у него действительно было достаточно клиентов. Но потом типография прошла реформу и доход сразу остановился.

Думая обо всём этом, бедный еврей широко улыбнулся.

– Ну что ж, а теперь настало время поработать, – сказал он, предвкушая самое интересное.

Хитрая затея

Мальчик дождался окончания дождя и, как только капли перестали танцевать по лужам, спрыгнул с подоконника. Когда он оказался на полу и отвлекся от своих мыслей, в комнату вошла среднего роста женщина.

– Сынок, у меня для тебя сюрприз, – ласково произнесла она, и в её глазах заиграли озорные огоньки.

– Мама, я люблю твои сюрпризы, – сказал мальчик и обнял женщину, которая присела на колени так, что её длинная юбка вмиг покрыла пол вокруг них.

Стоит отметить, взору открывалась совершенно милейшая картина. Сын и мать были похожи, как две капли воды: выраженные скулы, красивой формы нос, чуть припухлые губы и слегка раскосые глаза – но стоит сказать, что, глаза ребёнка шире, чем у матери, и кожа его намного светлее. Те, кто разбирались в моде, заметили бы, что черты их лиц были подобраны по самым классическим азиатским стандартам, хотя присутствовали в них метисские нотки, которые только придавали внешности особый шарм.

– Это не мой сюрприз, сынуля, а папин, – женщина улыбалась, а в её глазах выражался весь спектр чувств, присущий любящим матерям.

– Папин?! – радостно воскликнул мальчик.

– Да, – засмеялась женщина, зная, что сын уже догадался о содержании сюрприза.

Больше разъяснений ребёнку не требовалось: благодаря словам матери вся появившаяся после болезни медлительность вмиг испарилась, и усталость в теле рукой сняло. Крис выбежал из комнаты, преодолел расстояние от детской до кабинета отца и, переводя дух, тихонько постучался.

– Входи, сынок, – услышал он ласковый голос и не вошёл, а влетел в комнату.

Мужчина, высокий по сравнению с ребёнком, но не слишком высокий по меркам среднестатистического взрослого, заключил сына в объятия и несколько мгновений не разжимал рук, наслаждаясь минутами близости.

– Папа, папа, – затараторил мальчик, которому обычно была свойственна более медлительная манера общения, – мама сказала про сюрприз, я уже догадался, какой.

– Ничего не скрывать от твоих внимательных глаз, – улыбнулся мужчина, – держи, – с этими словами он протянул мальчику стопку напечатанных страниц. – Прочти первым, копию я сегодня отправил в издательство.

– Ух ты! – воскликнул мальчик – интересно уже по названию «Тайная жизнь».

– Твоя оценка дорогого стоит, малыш, – улыбнулся Марк.

– Ну пап, я ведь уже не малыш, – в голосе Криса читалось лёгкое недовольство.

Марк рассмеялся и потрепал сына по голове.

– Конечно, нет, только погляди каким ты вымахал.

На самом деле они понимали, что отец преувеличивал. В свои семь Крис был ниже, чем большинство сверстников. Они не знали, повлияла ли болезнь на его рост, или тому причиной была генетическая предрасположенность по материнской линии, но мальчик еле достигал до отметки ста десяти сантиметров.

– Спасибо, папа, – благодарно сказал он, беря книгу, – я пойду читать.

– Хочешь, почитаем вместе? – предложил мужчина.

– Хочу, конечно, – засияв, ответил мальчик и уселся на колени отца.

Тот довольно погладил сына по голове, на которой уже мягким пухом отрастали волосы. Этот жест каждый раз напоминал ему о том, что пришлось вытерпеть ребёнку. Стараясь не проявить огорчения, он убрал руку с головы на плечо, открыл книгу и начал читать:

– Есть люди, тайная жизнь которых остаётся загадкой не только для окружающих, но и для них самих.

Марк на мгновение замолчал, почесал тыльной стороной ладони колючий подбородок и негромко закашлялся. Мальчик, казалось, понимал размышления отца, поэтому не торопил его с чтением. Он сам хорошо знал, кем и о ком были написаны эти слова. Их размышления прервал стук в дверь.

– Марк, дорогой, вы читаете? – в тишине комнаты мелодией пролился ласковый голос женщины. – А я вам вкусняшек с чаем принесла, ни одна книжная церемония без них не проводится, – заговорщицки подмигнула она.

– Спасибо, любимая, – сказал мужчина, принимая из рук жены тарелку с вафлями, – Крис, ты какую будешь, ванильную или шоколадную?

Но мальчик уже их не слышал. Он, словно перенёсся в другое измерение, и вместе с героями книги отправился в приключение. Отец и мать ласково посмотрели на сына и тихо, чтобы не беспокоить, вышли из комнаты, в которой уже не на бумаге, а словно наяву для мальчика начали происходить чудеса: перед ним появились фигуры персонажей, которые уж очень были похожи на его родных и на него самого.

Родители с улыбкой бросили ещё один взгляд на сына, а затем вышли из комнаты и тихо закрыли дверь. Мужчина тяжело вздохнул и, будто принимая необходимое лекарство, обнял жену.

– Кларинда, как мы ему расскажем правду, когда всё раскроется? Мне было сложно решиться показать ему этот рассказ. Кажется, когда он его дочитает, то поймёт и разочаруется во мне навсегда.

– Не преувеличивай, дорогой, – голос жены действовал на Марка успокаивающе.

Он почувствовал облегчение и улыбнулся уголками губ.

– Крис – хороший мальчик, совсем не злой, тем более он тебя так любит.

– И Джейкоба он любит, а я спрятался за его спину, – в голосе мужчины слышалось раскаяние.

– Ты не прятался, это было его желание. Тем более ты много раз пытался завести об этом разговор и отблагодарить его.

– Никак не понимаю, почему он всё время отнекивался, – Марк перевёл взгляд куда-то в сторону, будто там был написан ответ.

– Он не хотел, чтобы ты чувствовал себя должником все эти годы, – Кларинда ласково улыбнулась, глядя на мужа. Она очень хорошо понимала его чувства.

– Да, но уже полгода как прошла последняя химиотерапия. Крису лучше, неужели нужно и дальше скрывать?

– Нет, но сам он не расскажет. Не может же, Джейкоб прийти к тебе и вывалить, что это был он.

– Но хватит уже тянуть, он так себя по миру пустит, а от меня вечно отказывается что-то брать. Хватит уже секретов, надо поговорить с ним начистоту, – решительно сказал Марк

– Надо, попробуй ещё, хотя ты уже сто раз это делал и всё безрезультатно, – тихим голосом, в котором сквозили печальные нотки, проговорила женщина.

– Почему он постоянно отнекивается, когда и так уже всё ясно? – отчаяние, одолевавшее Марка раньше, уже ослабло, и на его место пришло полное непонимание ситуации.

– Ты же знаешь, он не хочет признаваться в том, что для нас сделал. Я понимаю, – женщина ласково погладила мужа по щеке, – ты чувствуешь себя все эти годы в долгу перед ним, я тоже. Давай поскорее найдём доказательства, чтобы вы смогли поговорить действительно, как друзья.

– Надеюсь, я их найду, – улыбнулся Марк, который ещё не рассказал о своей хитрой затее жене.

Чужая фамилия

Путь до типографии был недолгим, а если его сопровождал толстый пёс по кличке Барон, которого Джейкоб по обыкновению угощал одной половинкой сосиски, идти было одно удовольствие. Особенно в такую хорошую погоду, как сейчас: утренний дождь благополучно закончился, солнце припекало, окрашивая всё вокруг апельсиновым цветом, а высокие деревья, уже пустившие листву, преданно защищали жителей города, своими кронами создавая приятную тень. Воздух свежий, настроение прекрасное, а отсутствие звонких монет в кармане – абсолютно незаметное. Ведь когда у тебя есть высокая цель, вырисовывающаяся перед Джейкобом в образе любимой типографии, то любые невзгоды по плечу, а испытания – в радость. Ведь именно трудности делают нас сильнее, не так ли?

По крайней мере, так полагал мистер Мальковский, с довольной улыбкой шагая по улице. У входа в типографию его ждал толстый кот.

– Привет, Том, смотри, что сегодня я для тебя принёс. Это что-то особенное, не консервы в банке, как обычно.

Мальковский достал вторую половину сосиски и положил перед котом. Тот довольно замурлыкал и накинул на угощение. Джейкоб с улыбкой наблюдал за животным и не сразу заметил двух приближающихся к нему мужчин, что-то активно обсуждающих. Один – ещё совсем юный парнишка – держал в руках большую камеру. Второй – приблизительно одного возраста с Мальковским – нёс микрофон и говорил с явным итальянским акцентом.

– Это шо за сицилийские огурцы такие? – спросил Мальковский незваных гостей, напустив на себя грозный вид.

– Мы не сицилийские огурцы, сэр, – ответил высокий мужчина в кепке, – мы репортёры, – продолжил он с весьма деловым выражением лица. – Наша новостная программа снимает сюжеты для городского телеканала. Слышали о рубрике «Разорившиеся богачи»? Мы знаем, что у вас был успешный бизнес, но вы разорились. Можете рассказать, что случилось? Как вы из богача стали бедным?

Мальковский пару секунд размышлял, благодушно сменил гнев на милость, громко рассмеялся и произнёс:

– Это про меня, – он заправил вылезший край рубашки и, усмехаясь, добавил, – только я не бедный, а нищий. Можете спросить мою жену Розочку, она именно поэтому от меня и ушла.

– У вас, должно быть, очень интересная история, – ответил журналист в кепке и улыбнулся шутке Джейкоба. – Позвольте взять у вас интервью? – спросил он, включая микрофон.

– Интервью? Что вы, что вы, – запротестовал Мальковский, – меня этому не учили.

– Да здесь не надо ничему учиться, – уже настойчивее проговорил журналист, – вы просто отвечайте на наши вопросы.

– О, отвечать на вопросы? – переспросил Джейкоб. – О, викторины я обожаю! В школе был лучшим учеником. Спросите мою учительницу миссис Ковальски, она подтвердит. Правда, она, пожалуй, на меня до сих пор в обиде после того, как я случайно спалил ей волосы паяльной лампой, – добавил он, смеясь.

Оператор хихикнул в ответ, а высокий мужчина в кепке косо поглядел на него. Ему явно не нравились бредовые речи честного еврея, но работа есть работа.

– Хорошо, хорошо, – вздохнул он, – давайте приступим к делу. Вы готовы? Мы включим камеру, а вам нужно просто смотреть на меня и спокойно отвечать на вопросы.

– Хм, – прокряхтел Мальковский, опираясь на деревянную дверь типографии, – а вопросы не очень сложные?

– Нисколько, – ответил журналист, закатив глаза, – сейчас увидите.

– Увижу? Ах, тогда не надо, – проговорил Джейкоб, – я забыл свои очки.

– Очки вам не нужны, вы всё услышите, – в голосе мужчины сквозило недовольство.

– А, ну так бы сразу и сказали, – улыбнулся Мальковский и по-братски похлопал журналиста по плечу, глаза которого выдавали в этот момент разный спектр эмоций, – со слухом у меня всё в порядке.

«А с головой явно не всё», – подумал высокий мужчина, а вслух произнёс:

– Итак, мистер Мальковский, когда вы открыли свою типографию? – с этими словами журналист, поднёс к Джейкобу микрофон и кивком головы дал знак оператору включить камеру.

– Ого, шо, прям сюда говорить? – удивился еврей, и его густые брови поползли на весьма широкий лоб.

Журналист вновь бросил на него недовольный взгляд.

– Мистер Мальковский, – заговорил он, – будьте добры, не задавайте лишних вопросов. Просто отвечайте в микрофон.

– А, сразу бы сказали, – произнёс Джейкоб и вновь похлопал журналиста по плечу, – теперь всё понятно. А меня что же, ещё на камеру снимать будут?

Мужчина в кепке почти беззвучно прорычал, но в следующую же секунду дружественная улыбка окрасила его лицо.

– Конечно, мистер Мальковский, для чего же ещё мы сюда камеру тащили.

– Бедолаги, – сочувственно проговорил еврей, – я думал, вы доехали на машине, а вы, оказывается, пешком шлёпали, – Джейкоб покачал головой.

– Да не шлёпали мы никуда, – процедил сквозь зубы журналист, крепче сжимая микрофон.

– А как же сюда добрались тогда? – удивлённо поглядел на него Мальковский.

– Давайте пропустим эту болтовню, – в голосе мужчины, нарочито спокойным и доброжелательным, слышалось промелькнувшее раздражение, – нас сюда привезли на служебной машине.

Джейкоб недоверчиво посмотрел на журналиста и покачал головой.

– Но вы же сказали, что тащили камеру.

Молчаливый оператор, за всё это время не издавший ни звука, не выдержал и усмехнулся. Этим он вызвал ещё большее раздражение журналиста и подверг себя немалой опасности, потому что тот кинул на паренька весьма недобрый взгляд.

– Пожалуйста, мистер Мальковский, давайте прекратим уже эту комедию и приступим к делу, – собрав последние крупинки своего исчезающего терпения, проговорил мужчина в кепке.

– Что значит – приступим? – обескуражено взглянул на него Джейкоб. – А всё это время мы чем занимались тогда?

Тут журналист и вовсе не нашёлся, что ответить. Он лишь почесал затылок, так что его кепка сползла на менее широкий, чем у еврея, лоб.

– Это было не интервью, сэр, а болтовня, – журналист перевёл дух и поспешил задать свой долгожданный вопрос. – Сколько лет назад вы открыли свою типографию, мистер Мальковский?

– Дайте уж вспомнить, – произнёс еврей, почёсывая голову, – о, да, десять лет уж прошло с момента, как на этом самом месте появилась моя дорогуша Марго.

– Марго? – посмотрел на Джейкоба журналист.

– Конечно, я так назвал свою типографию, – похлопав себя по плоскому животу – ведь на маслинах особо не поправишься – сказал Мальковский.

– А кто такая Марго? – спросил высокий мужчина.

– Вы что? Это же Маргарет Митчелл! Я влюбился в неё, когда ещё был юнцом и зачитывался её «Унесёнными ветром». Эх, было время, – выдохнул еврей, смакуя приятные воспоминания.

Тут оператор, ответственно снимавший репортаж на камеру, тихо хихикнул. Журналист сделал вид, что не заметил оплошности подопечного и продолжил интервью.

– А какая у вас была на то время аппаратура?

– О, самая лучшая аппаратура, – вновь погладил себя по животу еврей и довольно ухмыльнулся, – я этим аппаратом до сих пор горжусь! Купил его в очень хорошем магазине, когда впервые поехал во Францию. О, было время, какие там барышни ходят!

Паренёк с камерой громко ухмыльнулся, так что высокий мужчина в кепке одарил юнца ещё одним грозным взглядом.

– Хорошо, хорошо, – поспешил сменить тему журналист, – а как вы нашли своих первых клиентов?

– О, мои первые клиенты – это мамуля и папуля. Они мне на обед пирожки вкусные носили, а я им пригласительные на годовщины печатал. А годовщин у них было столько, сколько виноградинок на лозе, так-то, – гордо заявил Мальковский.

– Конечно, конечно. Разве могло быть иначе, – пробормотал себе под нос журналист и громче добавил. – А не из родственников клиенты были?

– Да, само собой разумеется, – довольно улыбнулся еврей и выпрямил плечи так, что, казалось, стал ещё на несколько сантиметров выше, – была Розочка.

– А кто такая Розочка? – медленно проговорил высокий мужчина.

– Эх, – покачал головой Джейкоб, – я же говорил, Розочка – моя жёнушка, правда, сбегавшая, – подмигнул он.

– Мистер Мальковский, – выдохнул журналист, – я же спросил не из родственников.

– А как же, тогда, когда она первый раз пришла в типографию, она родственницей ещё не была, – лукавая улыбка появилась на лице еврея, – на это у меня ушёл целый месяц.

– Понятно всё с вами, – кашлянул журналист и поторопился перебить его, – а много клиентов было в первые годы?

– О, – гордо поднял голову Мальковский, – да хоть ложкой ешь. Можете мясника Томаса спросить, – засмеялся он, – у него спрос на товар тогда резко упал. Людям стала не нужна пища для желудка, а вот пища для ума – пожалуйста. Этим я их хорошо кормил. Томас так взъелся на меня, что как-то пришёл ко мне с топором, но благо дело закончилось лишь смачным спором, а не смачным стейком.

«Как жаль, вот новость была бы», – усмехнулся своей невысказанной мысли журналист. А юнец-оператор, наконец, не выдержал и громко засмеялся вместе с Мальковским.

Мужчина в кепке вытер несколько капель пота со лба и сделал довольно громкий глубокий вздох.

– Поехали дальше.

– Куда? – спросил Мальковский.

Камера из рук оператора, который в этот раз смог подавить смех и лишь хихикнул, чуть не выпала.

– А что случилось потом? Почему прибыль упала? – продолжил журналист, не обращая внимания на нелепые шутки.

– Во всём виноват этот прохвост О’Брайан, – гневно прорычал Мальковский, грозя кулаком неведомо кому. – Его рыбный маркетинг мне все карты попутал. Все мои клиенты к нему сбежались, а этот негодяй мне даже скидку ни разу не сделал. Мне эти маслины после обеда до сих пор поперёк горла стоят, – Мальковский демонстративно схватил себя за шею. – А вы, кстати, уважаемые, уже отобедали? А то у меня ещё несколько маслинок осталось, я с удовольствием с вами поделюсь, – Джейкоб вновь по-дружески похлопал по плечу журналиста, которого, казалось, уже ничто не может вывести из себя.

Весь курс спецподготовки к стрессовым ситуациям был пройден благодаря лишь одному еврею.

– Я бы с превеликим удовольствием поел, мистер Мальковский, но лучше покажите нам свою типографию, – сказал журналист с каменным выражением лица.

– О, извините, сегодня у меня генеральная уборка, может, перенесём просмотр на другой раз? Негоже показывать такой бедлам, – Джейкоб переминался с ноги на ногу, устремив на журналиста добрый взгляд, в котором прозорливый наблюдатель мог угадать умоляющие нотки.

Видимо, оператор был именно таким, потому что, слегка кашлянув, он впервые за всё время робко произнёс, слегка подтолкнув журналиста локтём:

– Стивен, слушай, у меня, по-моему, аккумулятор сел. Может, действительно в другой раз зайдём? – сказал он, но камеру так и не выключил.

Журналист лишь гневно посмотрел на него и недовольно спросил:

– А что, запасной не взял?

Оператор только покачал головой и покосился на Мальковского.

– Бестолочь, – сказал ему журналист, а затем добавил, глядя на еврея. – Спасибо, сэр, за интервью. Такого у нас ещё ни с кем не было. Мы придём в другой раз.

– О, замечательно, – улыбнулся Мальковский оператору, который понимающе на него смотрел, – в следующий раз я уже буду готов к визиту, – проговорил он и поспешил войти в типографию.

И лишь когда от глаз незваных гостей его защитили четыре стены, Джейкоб спокойно выдохнул, убрал с лица глупую улыбку и обвёл глазами полупустую типографию. В сумраке не всё было хорошо видно – дневной свет проникал лишь через единственное небольшое окно, – но всё же обстановку разглядеть было можно. Комната небольшого размера метров двадцати, старое, выдавшее виды окно – разумеется, не по воле хозяина – стало местом проживания воинствующих пауков, которые боролись друг с другом за каждый сантиметр пространства. Джейкоб поначалу тоже боролся с ними, но потом привык к своим гостям, а с одним даже подружился, дав своему паутинистому приятелю имя Гоша. Мальковский уже и сам не помнил, почему так назвал паука, и давно перестал задавать себе этот вопрос. Молчаливо поприветствовав друзей доброй улыбкой, еврей прошёл к единственному в комнате столу, выдвинул пошатывающийся табурет и, усевшись на него, глубоко вздохнул. Вставив лист бумаги в пишущую машинку – единственный аппарат в типографии, – Джейкоб начал печатать. Спустя час непрерывной работы Мальковский поставил точку и подписал новый рассказ фамилией знаменитого писателя. Фамилией очень известной, но не своей.

Тайная жизнь

Марк Николсон был прекрасным писателем. Писателем популярным и востребованным. Его рассказы издавались во многих крупных газетах, романы печатались в твёрдом переплёте, и даже были переведены на несколько языков. Произведения Марка каждый день разлетались с книжных полок большими тиражами. Более десяти тысяч экземпляров его последнего романа были распроданы всего лишь за месяц. Что и говорить о зарубежных изданиях, которые пользовались не меньшим спросом.

А ведь ещё три года назад о литературных попытках Марка знала только жена и закадычный друг детства. С Мальковским Николсон познакомился лет восемь или девять, когда, будучи слабым мальчуганом, получал изрядные тумаки от одноклассников. Тогда высокий не по годам Джейкоб, который только перевёлся в новую школу, нашёл себе друга и стал его заступником.

То были годы резиновых сапог, пробежек по лужам после дождя, полных карманов лакричных конфет и ещё неизвестных, впервые появившихся на прилавках магазинов жевательных резинок, а также множества ссадин, ушибов и синяков. Тогда два друга могли легко преодолеть расстояние в двенадцать километров на своих велосипедах и даже не запыхаться. Тогда Джейкобу и Марку горы казались по плечи, а реки – по щиколотки.

Их детство было активным, как детство любых мальчишек того времени, а иногда даже слишком активным. Никаких тебе компьютерных игр, смартфонов и прочих гаджетов. Только жвачки, картофельное пюре с тефтелями на обед, новые главы из «Таинственного острова», а по вечерам – чёрно-белое кино в кругу семьи. В те годы радуга казалась ярче, яблоки в карамели – слаще, карточные игры – азартнее, а симпатичные девочки из параллельного класса – красивее и неприступнее. Тогда дышалось по-другому, пелось по-другому и жилось по-другому, не так, как живётся сейчас современным мальчишкам.

Эта мысль вернула писателя к размышлениям о сыне. Николсон младший был замечательным ребёнком. В два года он, будучи ещё тем сорвиголовкой, бегал по саду босиком с такой прытью, что мама еле поспевала за ним, спасая то ли сына от ушибов, то ли только что посаженные грядки от гибели. Но после пяти, когда стали проявляться первые признаки болезни, его былая прыть поубавилась, и порой приходилось часами вытаскивать Крису на прогулку. После нескольких курсов химиотерапии и длительной реабилитации его состояние заметно улучшилось, и, как сказали врачи, болезнь отступила. Но следы пережитого эхом отпечатались в душе ребёнка. Сейчас Крису было семь, и за свою ещё совсем недолгую жизнь мальчик повидал столько трудностей, сколько не каждый взрослый смог бы выдержать.

Николсон сглотнул и негромко откашлялся. Он прошёл по длинному коридору, с двух сторон которого можно было увидеть деревянные окна. На них, танцуя на ветру, красовались лиловые шифоновые занавески. Марк остановился у деревянной двери своего кабинета, задумавшись о предстоящих планах, а затем вошёл внутрь. Хорошо выстланный паркет блеснул после недавней уборки. Он мысленно поблагодарил мисс Крауберг – горничная подрабатывала у Николсонов, когда у жены не хватало времени на работу по дому. У Кларинды слишком много было дел и в благотворительных центрах, и в больнице, которую он спонсировал с момента первого литературного успеха, и, разумеется, в саду и огороде, которые требовали немалого ухода. Не меньшего ухода требовал и второй мальчиш, родившийся полгода назад. Таким образом, лето у Миссис Николсон выдалось не самое лёгкое.

Марк подумал о своей жене, и улыбка заиграла на его лице. Кларинда была особенной, удивительной. Не зря говорят, что за каждым великим мужчиной стоит великая женщина. Разумеется, таковым он себя не считал, но жене такое определение приписывал безоговорочно. Как тяжело было ей в первые дни, когда они только узнали о болезни сына, когда их финансовое состояние ещё оставляло желать лучшего, и когда платить за лечение не представлялось возможным. Сколько храбрости и самообладания было в ней в тот момент. Помимо финансовых трудностей – ведь незначительные доходы Марка в автомастерской не покрывали нужды семьи – у Крису выявили лимфому, и не поддаваться нахлынувшим эмоциям, а стать опорой не только для сына, но и для мужа было настоящим испытанием. Но Кларинда справилась, никогда ни на что не жаловалась, а поддерживала Марка в тяжёлые времена.

Прокручивая в голове образ жены, Николсон подошёл к письменному столу. Он, как и вся комната, был освещён ярким солнечным светом, льющим из окна. Марк обвёл взглядом аккуратно разложенные канцелярские принадлежности, сел на деревянный стул, обитый

светло-коричневым гобеленом, и открыл твёрдую обложку романа «Mr Husband and Mrs Wife»¹. На второй странице было написано:

«Посвящено любимой жене, которая вдохнула в меня надежду».

Марк о чём-то задумался на мгновение, а затем положил книгу на место и выдвинул ящик своего письменного стола, где всегда хранил рукописи. Новый рассказ лежал сверху, так что долго искать не пришлось. Писатель только вернулся от редактора, который с воодушевлением его одобрил. Николсон пролистал обложку и предисловие и стал читать первую главу. Дойдя до середины, он несколько раз усмехнулся, а в конце и вовсе расплылся в широкой улыбке.

– Приятно видеть друга в хорошем настроении, – послышался голос Джейкоба, который без стука вошёл в кабинет.

– О, дружище, а я как раз о тебе думал! – Николсон распахнул руки, приветствуя друга.

– Неужели я такая важная персона? – улыбнулся Мальковский, снял свою любимую фетровую шляпу и бережно положил её на стол.

– Ещё бы! – ответил Марк, радушно приветствуя друга тёплыми объятиями.

– Мы не виделись всего два дня, а ты успел соскучиться? – спросил Джейкоб, удивляясь столь пылким эмоциям Марка. – Что случилось? Ты прямо сияешь от счастья.

– А ты разве не знаешь? – спросил Николсон, подмигнув.

– А откуда ж мне знать? – усмехнулся Джейкоб, отвечая вопросом на вопрос.

– Ну да, ну да, – еле слышно пробубнил себе под нос Марк и загадочно улыбнулся.

Мальковский поймал на себе изучающий взгляд друга. В комнате возникла недолгая пауза, которую прервал его взволнованный голос.

– Как Крис? – спросил он, увидев крестника через окно.

– Хорошо, – улыбнулся Марк, с любовью глядя на сына, который сидел на скамейке во дворе с книгой в руках, а рядом с ним, широко зевая, лежал пушистый толстый кот.

У мальчика была очень приятная внешность, доставшаяся ему от матери. Даже отсутствие волос после облучения не повлияло на природную красоту ребёнка.

– Читает что-то интересное? – спросил Джейкоб, опускаясь в мягкое кресло.

– Да, – кивнул писатель.

– Твой новый рассказ?

– А откуда ты про него знаешь? – Николсон внимательно посмотрел на друга.

– Не знаю, но ты такой довольный сегодня, а такими обычно бывают писатели, когда напишут что-нибудь хорошее, – отвёл взгляд еврей.

Марк наблюдал за реакцией Джейкоба, словно пытаясь на чём-то его поймать.

– Ты сказал так, как будто сам пишешь, и знаешь, каково быть писателем, – Николсон говорил нарочито медленно. – Может, я чего-то о тебе не знаю? – спросил он, и лукавая улыбка заиграла на его лице.

– Да ну, скажешь тоже, – пробубнил Джейкоб, – рассказывай лучше, чего такой довольный?

– А ты и так всё знаешь, вот новый рассказ, – Николсон протянул другу рукопись.

Мальковский прочитал на первой странице название «Тайная жизнь», а под ним надпись, написанную от руки: «От моего единственного друга, который помог мне в самую трудную минуту».

– Что это значит? – в голосе Мальковского сквозило нескрываемое удивление.

– То и значит, без тебя и не представляю, что было бы с нами, – во взгляде Марка читалось столько любви и признательности, что Джейкоб смутился и перевёл взгляд на рукопись.

– Опять ты за своё, ничего особенного я не сделал, – буркнул еврей и сел на стул.

¹ Mr Husband and Mrs Wife – (перевод с английского) мистер муж и миссис жена.

Николсон последовал его примеру и опустился в своё кресло. Он внимательно изучал лицо друга, который перевернул первую страницу и начал внимательно читать.

– Не замечаешь, главный герой уж очень похож на тебя, – сказал он.

– И чем же? Он тоже красивый высокий еврей? – отшутился Джейкоб.

– Почти, – улыбнулся в ответ Марк, – он плотник, который на удивление всем оказался талантливым танцором. Он скрывал это и никому не говорил. Даже друзей обвёл вокруг пальца и не выдал себя, – Николсон внимательно поглядывал на друга и с интересом наблюдал за его реакцией.

– Неужто я похож на танцора? – засмеялся Мальковский, разводя руками. – Хотя, – он встал, гротескно поклонившись, – погоди, на свадьбушке кадрили я танцевал.

– Ну хватит парировать, – усмехнулся Марк, – лучше почитай.

– Хорошо, сейчас поглядим, что ты там про меня написал, – кивнул Джейкоб, усаживаясь обратно в удобное кресло.

Несколько раз во время чтения еврей громко смеялся, а к концу последней страницы и вовсе захохотал.

– Ну и танцоришка, ай да хитрюга, – продолжал смеяться он, – он таки выиграл конкурс вместе со своей барышней.

Николсон пристально смотрел на товарища, а потом, улыбаясь, сказал.

– Ага, сам не знаю, как мне в голову пришла такая идея.

– Да ладно тебе, не скромничай, – Мальковский похлопал друга по плечу и вернул ему рукопись.

– Угощайся кофейком, – проигнорировав реплику друга, сказал Марк и пододвинул к нему чашку нетронутого кофе и тарелку с печеньем и круассанами, которые заботливо принесла Кларинда.

– Спасибо, да, это я люблю, – похлопал себя по животу Джейкоб, довольно приговаривая, – это по моей части. Хотя в последнее время я изрядно поправился на плюшках и пончиках миссис Бэрлингем, – с этими словами он жадно вдохнул аромат свежей выпечки и откусил сразу половину круассана.

Николсон промолчал. На прошлой неделе он пил чай в той самой пекарне и увидел своего друга, который еле наскрёб мелочь на уценённый хлеб. В тот вечер Марк так и остался незамеченным, и Джейкоб не имел понятия о том, что товарищ детства теперь знает о состоянии его дел.

– Дружище, у меня к тебе разговор, – сказал Николсон неожиданно ставшим серьёзным голосом, – год назад ты продал почти всё своё оборудование и...

– Опять ты за свою шарманку, – отмахнулся Джейкоб.

Марк привык, что друг постоянно увिलивает, когда речь заходит об этом.

– Я хочу отблагодарить тебя. И на этот раз не приму никакого отказа, – настойчиво произнёс он, – я хочу вернуть тебе долг. Мы же оба хорошо понимаем, что я – не автор этих строк.

– Да у тебя обычный синдром самозванца, дружище, – усмехнулся Мальковский.

– Давай уже поговорим начистоту, хватит столько лет скрываться. Ведь это ты мне отправлял книги? Ну, признайся уже, наконец?

– Что ты за чепуху мелишь, я и двух слов связать не могу, – усмехнулся Мальковский.

– Я уже устал быть вором, – громко сказал Марк, – пиши книги сам!

Мальковский встал, уже собираясь выйти.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь, – словно от назойливой мухи, отмахнулся он.

– Джейкоб, стой, – примирительно проговорил Николсон, – я уже в силах вернуть тебе долг! – громче произнёс Марк, а потом, успокоившись, добавил. – Дружья помогают взаимно и не оставляют друга в должниках, когда он хочет вернуть то, что должен. Давай я отдам тебе деньги за оборудование, и ты восстановишь свою типографию? Это будет честно.

– А вы уже и так вернули, – уверенно, не выходя на эмоции, сказал Мальковский. – Когда я дал тебе деньги с оборудования, их не хватило бы даже на половину лечения, но я очень надеялся, что они помогут вылечить Криса. Вы исполнили обещание, поставили его на ноги, вы вернули долг – мне крестника, а себе сына.

Джейкоб замолчал. Из окна струился солнечный свет, аромат свежей выпечки, только что им съеденной, ещё наполнял комнату, на его лице застыла улыбка, и от всей этой тихой, спокойной атмосферы у Марка стало легко на душе. Он опустил голову, и на мгновение показалось, что Мальковский уже собрался сказать правду, как вдруг передумал и перевёл взгляд на крестника.

– Джейкоб, я тоже счастлив, что Крис здоров, – прервал молчание Марк. – Ты помог нам тогда, позволь друзьям помочь тебе сейчас. Ты же обещал, что примешь деньги, как только я смогу их тебе вернуть. Вот уже два месяца как опасность миновала, и отложенные на лечение Криса деньги уже не нужны. Возьми их, пожалуйста, и отстрой свою типографию заново, – Марк говорил так искренне, что Мальковский не сразу решился отказать другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.